

© 1999 г., ЭО, № 4

Г. Е. Марков

КОРИЧНЕВАЯ ТЕНЬ НАД НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИЕЙ

История науки свидетельствует о том, что этнология всегда была тесно связана с общественной ситуацией в той или иной стране – с практическими задачами государственной политики, распространенными социальными и философскими учениями, со всей совокупностью мировоззрения общества. Это отчетливо проявилось в Германии после завершения первой мировой войны. Ее катастрофические последствия привели к сильнейшим экономическим, социальным и нравственным потрясениям. Сложилась резкая поляризация политических сил. На одном полюсе произошло обнищание многих слоев населения, на другом возникло мишурное богатство, давшее 1920-м годам наименование «золотых».

Основанная в 1919 г. в Германии Веймарская республика оказалась малоустойчивой и недееспособной. Недолгие годы ее существования ознаменовались борьбой партий, различных военных и полумилитарных формирований. К 1919 г. стало появляться все большее число правозэкстремистских шовинистических партий, в том числе Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП), основанная А. Дрекслером, реваншистская военная партия «стальной шлем» и др. В июле 1921 г. председателем нацистской партии был избран А. Гитлер. Тем временем в стране усиливались экономическая разруха, инфляция, противоборство право- и левозэкстремистских партий. После непрерывных правительственных кризисов 30 января 1933 г. Президент Германии П. фон Гинденбург передал власть А. Гитлеру и началось 12-летнее господство нацизма, сопровождавшееся установлением тоталитарной идеологии. Однако не следует думать, что она была целиком порождением нацизма. Задолго до его возникновения в немецкоязычной науке уже имели некоторое распространение расизм, шовинизм, геополитические установки на агрессию, в чем немало виновата одна из ветвей немецкой науки о народах – народоведение¹.

Мировоззрение нацизма основывалось на немногих идеях, изложенных Гитлером в его книге «Моя борьба». Они стали основой господствующей идеологии, к которой после 1933 г. в ходе процесса «Gleichschaltung» пришлось тем или иным образом приспособляться как этнологической науке, так и отдельным ученым. Понятие «Gleichschaltung», как и многие другие политические термины, имевшие хождение в гитлеровской Германии, трудно перевести адекватно на любой язык, в том числе и на русский. Оно означает «унификация», но в совершенно определенном смысле: присоединение к господствующей нацистской идеологии во исполнение Закона об унификации (Gleichschaltungsgesetz).

Первый основополагающий принцип нацизма состоял в утверждении приоритета «völkisch-rassisch», т.е. значения человека в его древних расовых элементах, а государства – как инструмента сохранения расового самосознания и существования человека. «Фольккиш» означало также биологическое и психологическое «расовое» различие между расами и их «ценность», иерархический порядок среди народов и индивидов. В основе иерархии лежал «аристократический» принцип ведущей роли вождя (Führerprinzip), суть которого – лидерство в мире «лучшего народа» и выдающихся личностей. Органическим образом в этот комплекс принципов входил «расовый

антисемитизм», центральной установкой которого было утверждение, что евреи составляют полюс, противоположный арийцам.

Вторым главным принципом нацистской идеологии Гитлер называл идею «принципа борьбы». Социал-дарвинистская в своей сущности, эта идея была предпосылкой возникновения иерархического порядка и утверждения обязательности войны как естественного состояния общества и человека (*Hitler A. Mein Kampf. München, 1938. S. 378, 420, 493*). Поэтому особый акцент делался на духовном единстве немцев (*Großdeutsche Idee*), на «национальном» и «народном» (*Volkstum, Volksgemeinschaft*) как выражении общей идеологии (*Einheitsideologie*), содержание которой исключало участие интеллекта и основывалось только на вере.

Сегодня нелегко дать однозначную оценку состояния этнологии (*Völkerkunde*) в годы нацизма, что связано с целым рядом обстоятельств. Существует огромная научная литература, до сих пор исторически мало освоенная. Отсутствуют капитальные исследования как трудов отдельных авторов, так и целых теоретических направлений. Кроме того, взгляды многих этнологов недостаточно определены, противоречивы, а называемые в литературе научные «школы», «учения» весьма условны. Поэтому нередко одного и того же автора причисляют то к одному, то к другому или сразу к нескольким направлениям, что не способствует выявлению общей картины теоретических течений.

Еще в 1925 г. немецкие этнологические общества «*Deutsche Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft*», «*Gesellschaft für Völkerkunde*», «*Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*» и ряд других, а после 1938 г. и австрийские этнологические общества объединились в один союз «*Verband der Deutschen Gesellschaften für Anthropologie, Völkerkunde und Urgeschichte*». В октябре 1933 г. его председатель разослал циркулярное письмо, в котором говорилось: «Руководство считает, что наше общество... обязано показать, что оно принимает близко к сердцу горящие вопросы Германии. Так как оно состоит из трех частей – расоведения, этнологии и предьстории, оно призвано содействовать решению этих вопросов. Руководство приняло решение принять фюрерпринцип и назвать руководителя общества вождем немецкого союза антропологии, этнологии и предьстории». «Фюрер» О. Айхель определил в «Совет вождей» Ф. Краузе (этнология) и Я. Фризена (доистория). Общество антропологии как не отвечающее задачам нового времени было просто уничтожено.

В 1934 г. был создан проект нового устава общества, в котором говорилось, что он согласован с Отделом обществ Имперского руководства НСДАП. В пункте 1 указывалось, что общество намерено содействовать организации кафедр этнологии и предьстории в немецких Высших школах для преподавания и обучения на основе национал-социалистического мировоззрения. Таким образом, казалось бы, этнология и предьстория «унифицировались» с нацизмом. Однако не деле все обстояло значительно сложнее. Хотя «унификация» была для этнологической науки довольно поверхностной, последняя оказалась, тем не менее, на долгие годы в тупике, особенно в теоретическом отношении.

Большинство немецких этнологов по убеждениям были довольно консервативны, но после прихода Гитлера к власти они не стали сторонниками идей «нового порядка». Только некоторые из ведущих исследователей «присоединились» к нацистской идеологии, что проявлялось по большей части лишь в устных выступлениях и немногих статьях, посвященных исключительно политическим вопросам. В капитальных трудах и научных исследованиях ни весьма специфической нацистской фразеологии, ни, за редкими исключениями, положений, отвечающих официальной идеологии, не обнаруживается. Это обусловило (несмотря на старания отдельных ученых, а также малоизвестных «барабанщиков режима» поставить этнологию на службу нацизму) отношение к ней как к «подозрительной» науке, проповедующей такие противные нацистскому духу истины, как равенство человеческих рас, либерализм, уважение к культуре других народов. Не упрощает проблему оценки немецкой этнологии в рассматри-

заемое время и существующая, правда, ограниченная по объему, историография вопроса. После крушения гитлеровского режима в течение нескольких десятилетий о судьбе немецкой этнологии 1933–1945 гг. не написано почти ни слова. В последнее десятилетие ей стали уделять известное внимание, однако книг и статей, посвященных этой проблеме, немного, ряд исследований (диссертации и устные выступления) остаются неопубликованными. Если вначале нацистское прошлое немецкой этнологии вообще замалчивалось, то теперь обнаруживается другая крайность. Основное внимание стало уделяться общественно-политической деятельности тех или иных ученых, особенно сотрудничавших с властями. При этом собственно история науки, развитие теоретической мысли оказались вне поля зрения исследователей, что в целом и создает несколько тенденциозную и неадекватную картину того, что происходило в этнологии в исследуемый период².

Рассматривая состояние теоретических взглядов и течений в немецкой этнологии после 1933 г., следует подчеркнуть, что некоторые из них имели давнее происхождение: в целом они сложились уже в 1920-х годах и потом практически оставались неизменными. Поэтому следует кратко остановиться на проблемах этнологической науки в годы, непосредственно предшествовавшие установлению нацистского режима.

1920-е годы ознаменовались для Германии и Австрии расцветом культуры и науки, в том числе и этнологии. Сильнейшее воздействие на умонастроение общества оказали поражение в войне, экономическая разруха; одновременно оно впало в состояние некоторой эйфории от сознания впервые полученной свободы. В духовной жизни старые традиции сочетались с модернистскими течениями, рационализм – с иррационализмом, прогрессивные черты – с реакционными. Были сильны настроения декаданса, ухода в мир потустороннего и иррационального. В философии и идеологии приобрели популярность идеи А. Шопенгауэра и особенно Ф. Ницше, работы О. Шпенглера, нередко называвшегося в нашей литературе (едва ли с достаточным основанием) идеологическим предшественником нацизма. На некоторые этнологические теории оказало влияние учение З. Фрейда.

Одновременно, начиная со второй половины 1920-х годов, стали появляться работы, проникнутые геополитическими идеями и идеями так называемой расовой гигиены, ставшие основами расизма³.

К концу 1920-х годов все большее распространение стали получать идеи расового превосходства германцев не только среди части представителей смежных с этнологией наук, но и среди отдельных этнологов.

Между тем к рассматриваемому времени в теоретических позициях этнологической науки произошли существенные изменения. На смену ограниченному историзму эволюционизма, сочетавшемуся с психологизацией и биологизацией человеческой культуры⁴, пришли антропогеография Ф. Ратцеля, культурная морфология Л. Фробениуса, учение о «культурных кругах» Ф. Гребнера и Ф. Шмидта⁵.

На 1920-е годы пришелся бурный расцвет этнологии в Германии и Австрии, в меньшей степени – в немецкоязычной Швейцарии. Переосмыслились прежние учения, возникли новые, оказавшие сильнейшее воздействие на всю мировую науку о народах. Было опубликовано множество теоретических и эмпирических работ. Хотя во многих отношениях преднацистское и нацистское время были глубоко различными по политической ситуации, идеологии, культуре, найти принципиальные различия в теоретических позициях этнологов до 1933 г. и в последующее время едва ли возможно. Иное дело – ситуация в этнологии и для этнологии. После 1933 г. она стала почти катастрофически меняться к худшему, что привело к более чем 12-летнему застою в науке, сохранявшемуся и в первые послевоенные годы.

После 1933 г. этнология оказалась в ряду наук, к которым нацистское руководство относилось отрицательно, не без основания подозревая ее представителей в недостаточной лояльности к режиму и господствующей идеологии. Несмотря на попытки отдельных достаточно известных этнологов сделать свою науку «полезной» нацистской политике и практике, ситуация практически не менялась.

Число этнологов в Германии в период между 1933 (а в Австрии 1938) и 1945 г. было значительным: насчитывалось примерно 130 исследователей. Впрочем, известных ученых было гораздо меньше. Часть этнологов была вынуждена эмигрировать из Германии. Еще до 1933 г. в Америку уехал крупный исследователь Ф. Боас, оставили страну Ю. Липс, все представители «культурно-исторической школы» и ряд других этнологов.

Говоря в целом о немецкоязычной этнологии 1920-х – первой половины 1940-х годов, следует подчеркнуть сугубую условность выделения в ней школ, течений, направлений. Их классификация, принятая в нашей и зарубежной литературе, не вполне соответствует действительности. Попытки историографов сгруппировать исследователей-этнологов в соответствии с их теоретическими воззрениями в те или иные направления расплывчаты и противоречивы⁶. Немалая часть этнологов, первоначально в той или иной мере придерживавшихся постулатов «теории развития» (эволюционизма), затем выступала против них или частично возвращалась к ним, т.е. неоднократно меняла свои взгляды. Поэтому только весьма условно можно говорить об ученых, придерживавшихся «*исторически ориентированной этнологии*», верных, хотя и в значительно трансформированном виде, «теории развития»; исследователях «*культурно-морфологической*» и «*культурно-исторической*» ориентации, а также о «*социологическом*», «*функционально-социологическом*», «*социально-психологическом*» направлениях. Пожалуй, наиболее неопределенным направлением была «*исторически ориентированная этнология*», поскольку отсутствовала ясность, что следует под ней понимать. К этому направлению относили этнологов (или те относили себя сами) не просто различных по теоретическим взглядам, но и отличающихся друг от друга по наиболее принципиальным позициям. Так, к примеру, сторонники «теории развития» рассматривали процесс развития культуры как поступательный прогрессивный ход эволюции. В отличие от них ученые, разделявшие идеи Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, Ф. Шмидта, говорили только об «изменении» культуры, понимая его как дискретный механицистический процесс. Тем не менее и те, и другие считали себя сторонниками «исторического» направления.

Кроме того, существовал круг достаточно известных этнологов, не принадлежавших к определенным научным школам или направлениям.

К этому можно добавить, что независимо от теоретической ориентации среди небольшой части ученых наблюдались стремление сделать этнологию «актуальной», связав ее с биологическими построениями расизма, а также обостренное внимание к колониальным проблемам.

Среди молодых исследователей все большую популярность приобретали научные течения, связанные с социологией и англо-американскими учениями (в их немецкой интерпретации).

Обратимся к анализу научной деятельности немецких этнологов, внесших существенный вклад в развитие своей науки.

Несомненно, одна из наиболее ярких фигур в этнологической науке – Лео Фробениус (1873–1938). Так как его месту в немецкой науке была посвящена специальная статья⁷, я ограничусь рассмотрением того нового, что появилось в его взглядах после воцарения нацистских порядков. Опираясь на мнения, высказанные об этом ученом в историографической литературе, довольно трудно: они недостаточно последовательны, а порой противоречат фактическим данным. Так, например, говорится об отрицательном отношении к нему нацистского руководства. Однако в то же время возглавляемый им институт Культурной морфологии во Франкфурте процветал, а отдельные взгляды Л. Фробениуса, высказанные после 1933 г., были довольно близки к некоторым программным положениям нацизма. Поэтому лучше обратиться к сопоставлению того, что Л. Фробениус писал в 1920-е годы и после 1933 г., и что в той или иной мере связано с его научной и политической ориентацией в этот период.

Следует отметить, что научная деятельность Л. Фробениуса, приходившаяся на эти два десятилетия, в отечественной историографии вообще не получила отражения.

За рубежом о нем также написано очень мало. А то, что опубликовано, нуждается в критической оценке вследствие субъективности авторов, умалчивающих о некоторых сторонах научной деятельности ученого в годы нацизма⁸.

В рассматриваемое время Л. Фробениус уже не имел возможности вести экспедиционную деятельность по причинам, связанным с политической ситуацией. Вместе с тем он опубликовал ряд крупных работ и статей, в которых продолжал разрабатывать теорию «культурной морфологии», применяя выработанное им довольно туманное понятие «пайдеума», означающее и «воспитание», и, как его следствие, особое душевное состояние⁹.

Следует остановиться на книге Л. Фробениуса, название которой условно можно перевести как «Весть судьбы» (Schicksalskunde)¹⁰. Первое издание ее вышло в пред-, а второе – в нацистское время. В этом труде Л. Фробениус в наиболее обобщенном виде изложил свои идеи «культурной морфологии» и «пайдеумы». История выхода в свет этого издания оказалась непростой, так как общественное мнение 1920-х годов выступало против определения Л. Фробениусом послевоенных революционных событий как «революционного муравейника» и его прогноза тоталитарного будущего Германии, оказавшегося, к сожалению, пророческим. Тем не менее работу все же удалось опубликовать в 1932 г., а в 1938 г. она была переиздана с некоторыми, весьма многозначительными дополнениями. В свойственной Л. Фробениусу туманной форме он писал о крушении демократии как об отражении «воли и способности народной души», отрицающей «интеллектуализм», и «сооружении новых конструкций», что вполне отвечало идеологическим лозунгам нацизма. По словам Л. Фробениуса, «немецкая культура приняла роль новейшего боевого героя в этом гигантском зрелищном представлении», и поэтому новое издание книги «может дать новую картину существа нашего пайдеуматического мышления»¹¹. Этот труд открывается вступительной частью «Откровение культуры», затем следуют два раздела: «Основы и формы» и «Основы и смысл образа». Стиль книги и изложение автором своих концепций очень сложны, туманны и недостаточно последовательны, порой, пожалуй, претенциозны. Кроме того, для книги характерна одна особенность, редко встречающаяся в немецкой литературе о народах, – соединение в одном труде проблем этнологии, народоведения и политологии.

Этим проблемам посвящена вступительная глава, открывающаяся сопоставлением «картины жизни, обновления и судьбы» с термитником, в котором новые поколения систематически уничтожают старые. В качестве одного «из вулканических» взрывов называется июль 1914 г. Для Германии, писал Л. Фробениус, война имела огромные последствия, ее послевоенное развитие пошло по собственному (т.е. установление нацистского режима. – Г.М.) пути, приведшему к «обновлению», которое «многие соседи не могут понять и принять»¹². Причиной, послужившей основой «обновления», было то, что «немецкий народ обладает особым пониманием смысла жизни», о чем, кстати, еще в прошлом веке писали последователи романтической германистики, включая деятелей народоведения. В этом же ключе¹³ написаны и прочие разделы главы. В разделе «Немецкая судьба» утверждается наличие особого «атлантического мира» как следствия развития мировой цивилизации, являющейся не «изобретением человека», который лишь был исполнителем «надчеловеческого предназначения», подчиняясь выполнению идей «пайдеумы». Время до 1933 г. автор связывает с упадком немецкой культуры, оказавшейся «механизированной и интеллектуализированной», что, как он полагает, противоречит немецкой сущности, зато свойственно западной культуре – французскому рационализму, английскому реализму, американскому материализму. И это положение неоднократно повторяется в книге¹⁴. Близко к духу геббельсовской пропаганды утверждение Л. Фробениуса о том, что «все народы оказались под тиранией западной культуры»¹⁵.

В следующем разделе книги «Ориентация (точка зрения)» Л. Фробениус предпринимает попытку обрисовать общую картину мировой культуры, вновь подчеркивая, что «жизнеутверждающим финалом» для Германии стало создание «нового режима».

Он весьма критически отзываясь о качестве «сомнительных западных культурных ценностей», которые стремятся навязать всем народам мира. Ученый противопоставляет немецкую и западную (англо-французскую и американскую) «душу», полагая, что последняя осуществляет «террор», «пагубно сказавшийся на немцах», отказавшихся от мистицизма и подчинившихся материализму. Но, как утверждает автор книги, «предел» этому «пагубному» процессу был положен в ходе «немецкой революции» (т.е. после 1933 – Г.М.), когда началась борьба за признание «права на самобытность и свою сущность, что происходит, следуя зову природы, ее бытию, пайдеуме»¹⁶.

Сказанное, как полагаю, достаточно характеризует некоторые особенности взглядов Л. Фробениуса в годы нацистского режима.

Изложенные выше взгляды Л. Фробениуса в 1930-е годы были одобрены учеными, близкими по взглядам к нацизму. Это видно из посвященной ему статьи Х. фон ден Штайнена, одного из весьма близких к нацизму этнологов, озаглавленной «Лео Фробениус как духовный вождь в немецком прорыве»¹⁷. Но следует подчеркнуть, что Л. Фробениус ни в устных выступлениях, ни каким-либо иным образом не проявлял симпатий к нацизму как к политической системе. После окончания войны он успешно прошел «денацификацию», а в 1946 г. созданный им Институт культурной морфологии был назван Институт Л. Фробениуса.

Теоретические и философские взгляды Л. Фробениуса не получили признания не только в научном мире, но и среди его учеников. Однако труды Л. Фробениуса, основанные на материалах 12 экспедиционных поездок, стали классическими и сегодня служат важнейшим этнографическим источником. Его исследования во многом изменили взгляды европейской науки на Африку. Они доказали, что ее народы имели свою историю, и, как отмечал известный этнолог Л. Вайда, «вернули уважение к африканцам и их самоуважение к себе»¹⁸.

Для большинства ученых, считавших себя учениками Л. Фробениуса или близких к Институту культурной морфологии, во времена Третьей империи, как, впрочем, и в дальнейшем, были характерны эмпирический подход к этнологическим исследованиям и преимущественный интерес к проблемам духовной культуры. Среди них одной из наиболее ярких фигур был А. Ензен (1899–1965). Его научная деятельность началась в 1930-х годах и продолжалась в послевоенное время. Основными сферами интересов ученого были вопросы сложения первобытных культур и проблемы истории религии. Теоретические взгляды А. Ензена свидетельствуют о его широкой эрудиции, разносторонности научных интересов и нейтрально-либеральной политической позиции¹⁹. Вместе с тем едва ли можно согласиться с А. Ензеном в его постоянном стремлении объяснить возникновение многих материальных явлений и социальных институтов религиозными мотивами.

Интересные работы по истории хозяйства принадлежали близкому к Л. Фробениусу А. Фридриху (1914–1956)²⁰. В журнале Л. Фробениуса публиковался и весьма известный немецкий американец В. Крикеберг (1885–1962), проявивший себя не столько симпатиями к культурно-морфологическому учению, сколько к нацизму. Это, впрочем, не нашло отражения в его научных работах, благодаря которым он стал признанным авторитетом в своей области исследований²¹. В теоретическом отношении он первоначально проявлял интерес к учению о «культурных кругах», но позднее его причисляли к последователям «исторического» направления.

Из числа достаточно известных ученых, близких по духу Л. Фробениусу, можно назвать Г. Леммеля, круг интересов которого составляли главным образом религиозно-мифологические представления²², а также некоторых других исследователей.

В 1920-х годах в Германии и Австрии весьма популярным было учение о «культурных кругах», первоначально выдвинутое Л. Фробениусом, несколько позднее – Ф. Гребнером, а затем получившее широкое распространение в работах В. Шмидта и последователей его школы. Однако после 1933 г. В. Шмидт и его ученики были вынуждены покинуть Австрию и эмигрировать в Швейцарию, где продолжали вести

исследования в прежнем духе. Поэтому при исследовании немецкой этнологии в годы нацизма не имеет смысла рассматривать деятельность Ф. Гребнера и «культурно-исторической школы», им посвящена другая моя работа²³. Обратимся к последователям этого учения, не ушедшим в эмиграцию.

Кроме непосредственных сторонников учения о «культурных кругах» и «культурно-исторического учения», существовало немало ученых, прямо не примыкавших к ним, однако в той или иной мере разделявших их теоретические позиции. К их числу относился известный американист Г. Тримборн (1901–1986).

Отношение Г. Тримборна к учению о «культурных кругах» и школе В. Шмидта было неоднозначным, а со временем оно становилось все более критическим. Научная деятельность Г. Тримборна началась с публикации в журнале культурно-исторической школы «Антропос» диссертации под названием «Коллективизм инков в Перу». Вся научная жизнь Г. Тримборна была связана с Боннским университетом, где благодаря его кипучей деятельности сложился крупный и авторитетный центр американистики.

Г. Тримборн совершил несколько экспедиционных поездок в разные области Нового и Старого Света, стал автором многочисленных научных публикаций (большинство их вышло в свет после окончания второй мировой войны), в том числе 12 книг, в которых излагались результаты его экспедиционных исследований. Свои теоретические взгляды Г. Тримборн излагал в основном в журнальных статьях, позволяющих судить о его научной ориентации.

Неизменное внимание ученого привлекали проблемы, связанные с теорией «культурных кругов». Разделяя саму концепцию культурных кругов, он весьма критически относился к тому, как они конструировались исследователями. В частности, он полагал, что во многих случаях недостаточно учитывалась вся совокупность этнологических данных. Наиболее полно свои воззрения по этой проблеме Г. Тримборн изложил в статье «К учению о культурных кругах»²⁴. К связанным с ними вопросам он неоднократно возвращался в других работах. Так, соглашаясь с тем, что могут быть выделены «древнейшие культуры» (Grundkulturen) («тасманийская», «староавстралийская» и др.), Г. Тримборн в отличие от В. Шмидта не рассматривал их как единый культурный круг, а, исходя из критериев «количества» и «качества», считал, что они представляют собой разные культурные круги. К тому же по критериям «формы» и «времени» они должны быть отнесены к разным историческим периодам. С большой долей скептицизма Г. Тримборн относился к аналогиям и критериям, которые клались многими исследователями в основу «культурных кругов». В качестве примера он приводит попытки непосредственно сопоставить «староавстралийские» культуры с культурой шиллуков. В действительности, писал он, можно говорить о совпадении не всего культурного комплекса, а лишь двух элементов материальной культуры.

Важной для своего времени была мысль Г. Тримборна о необходимости учета при анализе культурных кругов и культуры в целом условий среды и хозяйства, что в известном смысле близко к теории «хозяйственно-культурных типов». Он считал, что хозяйственные формы складываются конвергентно в соответствующих природных условиях. Одновременно ученый выступал против «безграничного» диффузионизма. В своих исследованиях Г. Тримборн уделял большое внимание проблемам права в первобытном обществе, а также торговле, обычаям²⁵.

Научное наследие Г. Тримборна представляет не только историографический интерес: некоторые его идеи и гипотезы могут дать толчок современным исследованиям.

Весьма своеобразна в немецкой этнологии фигура Г. Баумана (1902–1972). С одной стороны, он был крупнейшим немецким африканистом, с другой – одним из немногих видных этнологов Германии и Австрии, разделявших в политических воззрениях основные положения нацизма и вступившим в НСДАП. Это проявлялось в его общественной позиции и ряде выступлений, однако почти не отразилось в научных исследованиях и публикациях. Исключением в этом отношении был повышенный интерес Г. Баумана к колониальным проблемам, что, впрочем, имело место и в работах некоторых ученых, оппозиционно настроенных к режиму. В значительно боль-

шей степени, чем Г. Тримборн, он разделял концепцию «культурных кругов», и соответственно – многие положения культурно-исторической школы. Его многочисленные труды посвящены исследованиям этнической истории и культуры африканских народов, проблем отцовского и материнского права, вопросов хозяйства, материальной культуры, религии²⁶. Широкую известность среди специалистов получила его книга, переизданная в 1965 г. («Сотворение и древность человека в мифах африканских народов») (Schöpfung- und Urzeit des Menschen in Mythus der afrikanischen Völker. В., 1936; см. примеч. 26). Фактический материал и предлагаемые выводы настолько исчерпывающи, что позднейшие ученые-африканисты немногого смогли добавить к сделанному А. Бауманом²⁷. Основываясь на теоретических положениях Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, Б. Анкермана, А. Бауман в ряде исследований сделал попытку выделить культурные круги в Африке²⁸.

Среди сторонников «исторического направления» и учения о «культурных кругах» следует назвать одного из крупнейших в немецкоязычных странах африканиста, австрийца В. Хиршберга. Его теоретические взгляды нашли отражение в обобщающем труде «Этнология»²⁹. В своем построении культурных кругов В. Хиршберг во многом следовал Л. Фробениусу и Б. Анкерману. Теоретические установки ученого были более чем далеки от нацистских. Так, он утверждал, что знакомство с культурно отсталыми народами привело его к выводу, что они отнюдь не дикие, а «природные» (Naturmensch), т.е. отличающиеся от цивилизованных лишь тем, что в большей мере зависят от природы. Он отрицал существование «чистых» культур, а также высказывал многие другие положения, несовместимые с гитлеровской идеологией. В условиях оголтелого биологического расизма в Германии 1936 г. такие мысли были более чем рискованными.

Отметим работы еще одного известного австрийского этнолога – Ф. Флора (1905–1939). Начальный период его научной деятельности был связан с исследованиями индогерманской проблемы (с позиций этнологии), истории происхождения домашних животных, пастушества. Разделяя теоретические взгляды В. Копперса, он опубликовал ряд работ в духе «культурно-исторической школы». Интересны его статьи, посвященные ранним этапам развития производящего хозяйства. Однако уже в начале 1930-х годов в его политических и научных позициях произошел резкий поворот в сторону признания нацистской системы и идеологии³⁰. Ф. Флор не только стал ярким приверженцем нового режима, но и вошел в качестве сотрудника в аппарат имперского наместника в Австрии З. Инкварта. При этом он отказался от теоретических взглядов В. Копперса и выступил против него с ожесточенной критикой³¹.

Можно было бы перечислить еще не один десяток известных этнологов, разделявших представления «культурно-исторической школы» и «учение о культурных кругах». Однако никто из них, даже И. Геккель (1907–1973), возглавивший после смерти В. Шмидта Венскую культурно-историческую школу, не внес существенных идей в теоретическую этнологию, ограничиваясь эмпирическими изысканиями.

Следует остановиться на совершенно новых теоретических течениях, возникших в Германии и Австрии и оказавших немалое воздействие не только на судьбы немецкой этнологии, но и на социальную и культурную антропологию англосаксонских стран. Речь идет о немецких вариантах социологического, психологического и функционального направлений. Прежде всего нужно отметить, что историографически эти проблемы в значительной мере «terra incognita». Они слабо освещены и в немецких исследованиях, если не считать некрологов и общих обзорных статей, не говоря уже о русскоязычной литературе.

Одним из первых, кто поставил в немецкой науке проблему связи психологии и социологии с этнологией, был берлинский профессор А. Фиркандт (1867–1953), на взгляды которого оказал влияние философ В. Вундт (1832–1920). Вследствие сложных отношений с нацистским руководством А. Фиркандт в 1935 г. был уволен из университета и восстановлен в нем только после окончания войны – в 1946 г. Говоря о научной деятельности А. Фиркандта в целом, приходится отметить, что если он внес

известный вклад в учение об обществе, то его обращение к этнологии было скорее спекулятивным и не дало положительных результатов³².

Некоторое, хотя и не особенно значительное влияние на формирование этнологически-социологического направления имел немецкий социал-демократ, профессор Г. Кунов (1862–1936). В своих работах по истории первобытного общества он весьма эклектически сочетал некоторые марксистские положения с теориями буржуазных ученых. Как и А. Фиркандт, Г. Кунов интересовался главным образом социальными проблемами. Из-за своих взглядов он был в 1928 г. отстранен от чтения лекций, а в 1933 г. уволен из университета. Вследствие во многом субъективной интерпретации этнографического материала публикации Г. Кунова имеют сегодня преимущественно историографический интерес³³.

Между двумя мировыми войнами работало немало немецких этнологов – сторонников социологического и психологического направлений в этнологии. Одной из наиболее ярких, хотя и далеко не однозначных фигур, был Р. Турнвальд (1869–1954), создавший в науке о народах ряд новых направлений. Хотя он и не основал свою школу, но имел значительное число учеников и последователей. Влияние некоторых его идей прослеживается в немецкой и, возможно, в англо-американской этнологии до наших дней, что сделало Р. Турнвальда интернационально признанным ученым.

Научная деятельность Р. Турнвальда началась весьма плодотворно еще до начала первой мировой войны, когда им был опубликован ряд исследований, основанных на собранных в экспедициях полевых материалах. Уже тогда его внимание привлекали теоретические проблемы. Еще до появления работ Б. Малиновского им были сформулированы основы функционализма, однако в его «немецком», в значительной мере историческом варианте³⁴.

Как в своих ранних, так и в последующих работах Р. Турнвальд выдвигал задачу исследования форм и процессов «общественного человеческого сожительства», причем под социологическим и психологическим углом зрения. За свою жизнь он опубликовал более 400 книг и серьезных статей, не считая рецензий и заметок.

Почти все военное время, с 1915 по 1917 г., Р. Турнвальд находился в Америке, работая в университете Беркли. Вплоть до начала 1930-х годов он неоднократно совершал этнологические экспедиции в Африку, на о-ва Бугенвиль и в другие регионы, читал лекции в Йельском и Гарвардском университетах. В 1928 г. Р. Турнвальд основал «Журнал народной психологии и социологии» (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*, с 1951 г. «*Sociologus*»), получивший международную известность. В 1932 г. состоялась его последняя экспедиция, после чего вся его последующая научная и педагогическая деятельность оказалась связанной с Берлинским университетом. Еще в 1920-х годах Р. Турнвальд выдвинул предложение о создании нового научного направления – *этносоциологии*. В связи с этим в 1931 г. он начал, а в 1935 г. завершил работу над пятитомным капитальным трудом «Человеческое общество в его этносоциологических основах»³⁵, а также ряд статей, посвященных этой проблеме.

Как отмечал В. Мюльман – ученик и последователь Р. Турнвальда, последний был одним из немногих немецких ученых, который «соединял биологическое мышление с социологическим и историческим и искал закономерности в культурном процессе, но при этом категорически возражал, когда на основе единичного непроверенного случая делались широкие обобщения»³⁶. В области теории Р. Турнвальд резко отрицательно относился к таким взаимоисключающим направлениям в этнологии, как «теория развития» (эволюционизм) и культурно-историческое учение, в которых он усматривал упрощенный подход к реальной действительности, выражавшийся в создании искусственных схем общественного и культурного развития. Он возражал против представления о господстве однолинейных и однотипных рядов развития, считая, что существуют «вариационные тенденции». Р. Турнвальд выступал также и против культурно-исторической постановки вопроса о путях «изменения» культуры, считая теоретические подходы В. Гребнера и В. Шмидта «схематизирующим упрощением». Однако в принципе Р. Турнвальд не был против исторического подхода. В отличие не только от

деятелей «культурно-исторической школы», но и чуть ли не от большинства ученых других направлений, он зачастую употреблял вместо внеисторического и расплывчатого понятия «изменение» термин «развитие»³⁷.

Накануне прихода нацистов к власти, находясь в Америке, Р. Турнвальд предложил еще одно исследовательское направление – изучение «аккультурации», получившее широкое распространение в разных странах³⁸.

В своих исследованиях этот ученый неоднократно выступал против гипотезы о существовании этапа «матриархата», концепций З. Фрейда и Л. Леви-Брюля, весьма критически относился к построениям Дж. Мак-Леннана и Л. Г. Моргана.

Нельзя не отметить особое внимание Р. Турнвальда к роли вождей в обществе и к самому принципу «вождизма» – проблеме, которой он посвятил ряд публикаций³⁹. В связи с этой стороной его деятельности представляется, что хотя он не был не только активным, но и пассивным сторонником нацизма, его рассуждения о вождях находились в русле важнейшего постулата гитлеровской идеологии. То же самое приходится сказать и о повышенном интересе исследователя к проблемам колониализма в свете германских интересов⁴⁰.

Хотя в своих трудах Р. Турнвальд неоднократно касался расовых проблем, он не только не допускал каких-либо расистских высказываний, но, наоборот, говорил о «равенстве» белой и черной рас, не забывая, однако, и о колониальных интересах. Симптоматично его замечание, что если европейцы уйдут из Африки, то там вспыхнут племенная вражда, войны и на место европейцев придут индийцы или японцы⁴¹.

Р. Турнвальд во многом предвосхитил некоторые теоретические взгляды более позднего времени, например, в определении этнической общности: «Группа, чьи особенности не определяются исключительно расово-конституционными и культурно-духовными явлениями и не смогут быть объяснены из собственного существования, но которая обладает неповторимыми чертами и своей судьбой, может быть названа *этнической общностью*» (подчеркнуто мной – Г. М.)⁴².

Сказанное выше о Р. Турнвальде можно рассматривать лишь как самый общий очерк его многогранной научной деятельности, в том числе и его теоретических концепций. Р. Турнвальд был родоначальником ряда научных направлений, о чем говорят принадлежащие ему многочисленные исследования в разных областях этнологии, социологии, сравнительной истории права и других дисциплин. Поэтому, говоря о вкладе этого исследователя в немецкую, да и мировую этнологию, следует отметить, что рассмотрение его деятельности еще не завершено. Нелегко дать Р. Турнвальду как ученому и человеку, жившему и работавшему в мрачные годы нацизма, однозначную оценку. Его научное наследие слишком велико для любого упрощенного суждения. С некоторыми из его теоретических взглядов можно согласиться, многие вызывают возражение и требуют дальнейшего анализа. В частности, это касается стремления Р. Турнвальда к «социологизации» этнологии, что принесло последней немало вреда в Германии и Австрии, как, впрочем, и в других странах. Что касается политической позиции Р. Турнвальда, то хотя он и не был прямым апологетом нацизма, членом НСДАП, но как ученый и профессор университета, несомненно, несет ответственность за упадок этнологии в годы гитлеровского режима. Своей деятельностью он кое в чем оказывал ему услуги, поддерживал нацистскую колониальную политику. Недавно в 1943 г. он получил в Берлинском университете пост ординарного (полного) профессора. Однако большой любовью у властей он все же не пользовался и после окончания войны благополучно прошел «денацификацию».

Остановимся еще на одном известном ученом, ученике Р. Турнвальда, В. Мюльмане (1904–1983). Он получил философское, этнологическое и антропологическое образование, причем склонность к биологии отразилась на всей его последующей научной деятельности.

Свою карьеру В. Мюльман начал в Гамбургском музее этнологии, но затем долгие годы работал в Берлинском университете. Под влиянием А. Фиркандта и особенно Р. Турнвальда В. Мюльман стал разрабатывать проблему функциональной этнологии

(в ее «немецком варианте»), сторонником которой он оставался до конца жизни. Его научные взгляды постоянно вызывали возражение большинства профессоров-этнологов, стоявших на традиционных позициях, и только благодаря поддержке Р. Турнвальда и некоторых молодых ученых он смог защитить диссертацию. С большим трудом Р. Турнвальд добился утверждения В. Мюльмана в 1939 г. в должности доцента философского факультета по этнологии и народной психологии.

Обратимся теперь к рассмотрению взглядов В. Мюльмана на проблематику, цели и задачи этнологии, получивших наиболее полное отражение в опубликованной им в 1938 г. книге «Методика этнологии». Она своеобразна по построению и в меньшей мере, чем другие его работы, несет на себе отпечаток его политических воззрений. Представляется, что заглавие исследования не совсем точно отражает его содержание, которое шире области собственно методических вопросов и включает проблемы методологии, теории и историографии этнологии. Как полагал В. Мюльман, главная задача этнологических исследований состоит в изучении «этноса», его истории и культуры. По его словам, не следует противопоставлять «исторический» (в его немецком понимании. – Г.М.) и функциональный методы, а рассматривать их вместе. В известном смысле В. Мюльман стал продолжателем идей А. Бастиана, считавшего одной из важных задач этнологии изучение этноса. Определяя цели, задачи и предмет этнологии, В. Мюльман выступил против распространенной в то время точки зрения, что это наука о первобытных бесписьменных народах. Он считал, что предметом этнологии является не только изучение этих народов, но и всего населения земли, причем, не только изучение культуры, как полагали этнологи XIX в. По мнению В. Мюльмана, далеко не все общественные явления могут быть описаны как «культурные элементы»: существуют проблемы социально-психологических контактов, социального объединения (*der Gesellung*), временных связей, характеристики народа в целом. И, что главное во взглядах В. Мюльмана, предмет этнологии не может сводиться к изучению оторванных от человека форм культуры⁴³. Не лишены интереса и другие положения ученого. Так, он считал, что «действия, произведения, творения человека могут быть поняты только как структуры взаимоотношений и противоречий между человеком и окружающей средой». «При этом структура означает специфические отношения между человеком и средой», а поскольку этнология изучает «исторического человека», в предмет этой науки входит и расоведение. Определение «исторический человек» обозначало, по В. Мюльману, что человек – организм, наделенный чувством свободы, и живет в условиях социальных связей, высшей формой которых является «народ». В целом же, по его мнению, этнология изучает человека как историческое, социальное и биологическое явление. При этом все, что создает человек, – культура, техника и т.п., является его «исторической окружающей средой». В той же работе он выступал против определения народов как «диких», «некультурных», «доисторических», «бесписьменных», «бескультурных», считая более подходящим понятие «естественные» или «первобытные» народы (*Naturvölker*). В. Мюльман категорически заявлял: «Главная задача этнолога – создание теории этноса. При этом следует исходить из первичности социальных и вторичности культурных функций. Третичная функция – этническая, этнос»⁴⁴. У С.М. Широкогорова В. Мюльман заимствовал понятие «межэтническое давление», означающее давление более крупных этносов на меньшие. Это понятие он использовал для построения гипотезы о характере и закономерностях межэтнических отношений. Во многих работах ученый обращался к проблемам индивидуальной и «народной» психологии и их связи с расовыми особенностями и средой. Им были высказаны и многие другие мысли, заслуживающие внимания и требующие особого специального исследования.

Нельзя обойти молчанием политические взгляды В. Мюльмана, нашедшие отражение в его научно-исследовательской работе. Уже в публикациях начала 1930-х годов можно найти мысли, созвучные идеологии национал-социализма. Перелом в политических позициях В. Мюльмана произошел примерно в 1939 г., когда стала заметна его интеграция с гитлеровской идеологией и явственно проступило стремление к

политическому использованию этнологии в интересах нацизма. Кстати, в эти же годы В. Мюльман вступил в НСДАП⁴⁵.

К выводу о практически полном переходе В. Мюльмана на позиции национал-социализма приводит анализ ряда его работ, имеющих ярко выраженную политическую окраску. В них автор оправдывал германскую агрессию и выступал как апологет расовой теории. Можно назвать, например, книги «Война и мир», «Расовая поляризация в Европе»⁴⁶, а также ряд других. Первая публикация вышла в свет в 1940 г., но, по словам самого автора, была задумана и написана еще в 1938/1939 гг., т.е. до начала второй мировой войны. В ней В. Мюльман требовал проводить широкую идеологическую подготовку народа к предстоящей войне, что должно было стать задачей «политической этнологии». При этом он утверждал, что дух истины (т.е. войны – Г.М.) должен прививаться еще в школе, а не в казарме. Такими же агрессивными идеями проникнуты и прочие страницы книги. Одновременно с апологетикой войны в разных публикациях им пропагандировались расистские и антисемитские теории. Нельзя не назвать еще одну, очень характерную для взглядов В. Мюльмана и изданную им в ходе войны книгу «Народы земли», входившую в серию «Библиотека мировой политики», создававшуюся по поручению рейхслейтера А. Розенберга. В работе, содержащей обзор населения Земли, оправдывались агрессивная идеология и политика нацизма. В. Мюльман писал, что «У колыбели всех настоящих народов стоит война, она сердце истории и таковой остается до сегодняшнего дня». Славяне, евреи и некоторые другие народы рассматривались им как неполноценные⁴⁷. В том же ключе протекала в эти годы и его педагогическая деятельность в Берлинском университете. Но, несмотря на старания В. Мюльмана заслужить полное доверие гитлеровского руководства, не все оказалось гладко в его научной карьере вследствие приверженности к социологии и немецкому функционализму, что вызывало у национал-социалистического руководства (как и в любом тоталитарном обществе) крайне негативное отношение.

Несмотря на расистские и прочие политические грехи, В. Мюльман без больших трудностей пережил после войны «денацификацию» и продолжал свою научную и педагогическую деятельность в прежнем ключе, избегая лишь наиболее одиозных расистских и геополитических высказываний.

Кроме Р. Турнвальда и В. Мюльмана, проблемами функциональной этнологии и структурализма в годы нацизма занимались лишь немногие известные ученые. К примеру, можно назвать работы Ф. Краузе и В. Мильке⁴⁸. В рассматриваемое время значительно большее число публикаций было посвящено проблемам народной психологии и социологии, главным образом, в русле идей А. Фиркандта, Р. Турнвальда, отчасти В. Мюльмана. Их авторы выступали по преимуществу в поддержку официальных доктрин и идеологии, и, эти публикации, как правило, не содержали каких-либо новых теоретических построений. Из числа наиболее известных сторонников социологического и «народно-психологического» направлений следует назвать А. Хельбока, В. Хелльпака, Р. Штейнмеца.

Помимо названных в статье наиболее крупных представителей немецкой (германской и австрийской) этнологии в годы нацизма и предшествующие десятилетия было немало известных профессоров и музейных работников. Это Х. Бернатцик, Г. Бломе, Г. Бушан, Х. Дамм, Х. Финдейзен, Ф. Флор, Р. Карутц, А. Кремер, Х. Плишке, К.Т. Преусс, Г. Тилениус (директор Гамбургского музея этнологии, оказавший немалые услуги национал-социалистическому режиму), З. Вестфаль-Хелльбуш и многие другие. Они были известны своими эмпирическими исследованиями и не внесли крупного вклада в развитие теоретических основ немецкой этнологии.

Завершая рассмотрение истории немецкой этнологии от 1920-х годов до 1945 г., следует констатировать, что период господства нацизма (после 1933 г.) был временем глубокого упадка науки о народах. В теоретическом плане в это время разрабатывались, главным образом, сюжеты, связанные с социологией, этносоциологией, народной психологией, расовой гигиеной, т.е. вопросы, отвечавшие интересам гитлеровской

пропаганды. И в этом отношении отдельные ученые проявили себя далеко не лучшим образом.

Но большинство этнологов оставалось вне политики, и этнологическая наука не стала «национал-социалистической», как, к примеру, физическая антропология или народоведение. Руководящие круги нацистской Германии (а после 1938 г. и Австрии) вполне справедливо, со своих позиций, усматривали в теоретических основах этнологии нечто несовместимое с нацистской идеологией и относились к этой науке с неодобрением и подозрительностью.

В результате наука оказалась в тяжелейшем положении. Не говоря уже о практически полном прекращении экспедиционной деятельности, сошли на нет и теоретические исследования. Ученые ограничивались публикацией эмпирического материала, собранного в прошлые годы.

В результате гнет нацизма привел к тому, что немецкоязычная этнология, лидировавшая в мировой науке с середины XIX столетия до конца 20-х годов нашего века, оказалась на задворках научной мысли и без особого успеха пыталась следовать за англо-американской антропологией, что особенно наглядно проявилось после окончания второй мировой войны.

Примечания

¹ Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1. Немецкое народоведение. М., 1993.

² Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкая этнология. М., 1993; Досталь В. Молчание в темноте // Этнограф. обозрение (далее – ЭО), 1993. № 3; Braune Universität. Deutsche Hochschullehrer gestern und heute. Eine Dokumentation zusammengestellt und eingeleitet von Rolf Seeliger. H. 1. München, 1964; Hauschild D. Völkerkunde im «Dritten Reich» // H. Gerndt (Hg.). Volkskunde und Nationalsozialismus. München, 1986; Conte E. Völkerkunde und Faschismus? Fragen an ein vernachlässigtes Kapitel deutsch-österreichischer Wissenschaftsgeschichte // F. Stadler (Hg.). Kontinuität und Bruch 1938–1945–1955. Wien, 1988; Fischer H. Ethnologie und Nationalsozialismus. Probleme bei der Untersuchung eines gemiedenen Themas // Köllner Museums-Bulletin. 1988. Bd. 2; *ibid.* Völkerkunde in Hamburg 1933–1945 // E. Klaus, L. Huber, H. Fischer (Hg.). Hochschulalltag im Dritten Reich. Die Hamburger Universität 1933 bis 1945 // Hamburger Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte. Bd. 3. Berlin; Hamburg, 1990; *ibid.* Völkerkunde im Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung einer wissenschaftlichen Disziplin. Hamburg, 1990.

³ Wegner R. Frankfurts Anteil an der Rassen- und Völkerkunde. Ein geschichtlicher Rückblick // Abhandlungen zur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Frankfurt, 1925; Scheidt W. Allgemeine Rassenkunde. München, 1925; Leser P. Wie erkennt man psychische Rassenmerkmale? // Nachrichten der Deutschen Anthropologischen Gesellschaft. Bd. 3. München, 1928; Passarge S. Das Judentum als landschaftskundlich – ethnologisches Problem. München, 1929; Hambruch P. Probleme einer Bio-Ethnologie // Mitteilungen an dem Museum für Völkerkunde in Hamburg. Bd. 13. 1928; Kirchner W. Ursprünge und Konsequenzen rassistischer Biologie // Tröger J. (Hg.). Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt; New York, 1984.

⁴ Марков Г.Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979; *его же.* От истоков немецкой этнологии к ее расцвету. Вопросы теории // ЭО. 1996. № 4.

⁵ Марков Г.Е. Немецкая этнология на рубеже веков: поиски новых путей. Фридрих Ратцель // ЭО. 1997. № 3; *его же.* Взлет и крушение теории – немецкая этнология на рубеже веков. Лео Фробениус // ЭО. 1998. № 4.

⁶ Fischer H. Völkerkunde im Nationalsozialismus... S. 16, 17.

⁷ Марков Г.Е. Взлет и крушение...

⁸ Jensen A. Leo Frobenius, Leben und Werk // Paideuma. Bd. 1. 1938; Mühlmann W. Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N.F. Bd. XXV. 1939; Vaida L. Leo Frobenius heute // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 98. H. 1. 1973; Бюттнер Т. Лео Фробениус – исследователь Африки: достижения и заблуждения // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985; Хаберланд Э. Лео Фробениус, постигший дух Африки // Там же.

⁹ Из числа наиболее крупных исследований Л. Фробениуса в рассматриваемое время можно назвать: Frobenius L. Atlantis. Bd. I–XII. Jena, 1921–1928; *idem.* Das unbekante Afrika. Jena, 1923. (2-te Aufl. – Frankfurt a/M, 1928); *idem.* Das sterbende Afrika. München, 1923; *idem.* Erlebte Erdteile. Bd. 1–7. Frankfurt a/M, 1925–1929; *idem.* Kulturgeschichte Afrikas. Zürich, 1933; *idem.* Schicksalskunde. Leipzig, 1932 (2-te Aufl. – Weimar, 1938); *idem.* Schriften zur Kulturkunde. Weimar, 1938. Frobenius L., von Wilm R. Atlas Africanus. Belege zur Morphologie der Afrika. München, 1921.

¹⁰ См. прим. 9.

¹¹ *Frobenius L. Schicksalskunde. S. 9.* По имеющимся у меня сведениям, эта книга, как, впрочем, и подавляющее большинство этнологических публикаций эпохи нацизма, в наших библиотеках отсутствует.

¹² *Ibid. S. 11–13, 15, 17.*

¹³ *Ibid. S. 23, 26.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid. S. 28, 29.*

¹⁶ *Ibid. S. 30–32, 34–35.*

¹⁷ *Steinen H. von den. Leo Frobenius als geistiger Führer im deutschen Durchbruch // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933.*

¹⁸ *Vaida L. Op. cit.*

¹⁹ См. напр.: *Jensen A. Neuere Notizen über das Gada-System // Paideuma. Mitteilungen für Kulturkunde. Bd. 27. H. 1/2. 1941; idem. Das Weltbild einer frühen Kultur // Paideuma. Mitteilungen für Kulturkunde. Bd. 37. 1944/1949.*

²⁰ См. напр.: *Friedrich A. Die Forschung über das frühzeitliche Jägertum // Paideuma. Mitteilungen für Kulturkunde. Bd. 2. H. 1/2. 1941.*

²¹ *Krickeberg W. Beiträge zur Frage der alten kulturgeschichtlichen Beziehungen zwischen Nord- und Südamerika // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 66. 1935; idem. Das Mittelamerikanische Ballspiel und seine religiöse Symbolik // Paideuma. Mitteilungen für Kulturkunde. Bd. 3. 1944/1949.*

²² *Lömmel H. «Seelen» Forstellungen der Teleuten // Paideuma. Bd. 2. H. 4/5. 1942.*

²³ См.: *Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкая этнология. С. 129 и сл.*

²⁴ *Trimborn H. Zur Lehre von den Kulturkreisen // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 65. B., 1934.*

²⁵ *Trimborn H. Die Methode der ethnologischen Rechtsforschung // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 43. 1928; idem. Die Stellung des Caucatales in der Rechtsgeschichte des Alten Amerika // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 70. 1938; idem. Der Kannibalismus in Caucatal // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 70. 1938; idem. Der Handel in Caucatal // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 74. H. 1/6. 1944.*

²⁶ Число публикаций Г. Баумана очень велико, поэтому укажу лишь наиболее интересные в историографическом отношении: *Baumann H. Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 58. 1926; idem. Lunda. Bei Bauern und Jägern in Innen Angola. B., 1935; idem. Schöpfung- und Urzeit des Menschen im Mythos der afrikanischen Völker. B., 1936; idem. Zur Morphologie des afrikanischen Ackergerets // Koloniale Völkerkunde. 1. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. 1944. Bd. 6.*

²⁷ *Haberland Eike. Baumann Hermann. Schöpfung und Urzeit des Menschen in Mythos der afrikanischen Völker // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 91. 1966.*

²⁸ *Baumann H. Die afrikanische Kulturkreise // Africa. 1934. Bd. 7. H. 2; Baumann H., Thurnwald R., Westermann D. Völkerkunde von Afrika. Essen, 1940 (X. Бауману принадлежит раздел о культурных кругах в Африке).*

²⁹ *Hirschberg W. Völkerkunde. Wien: Leipzig; Olten, 1936.*

³⁰ *Flor F. Haustierte- und Hirtenkulturen // Beiträge zur Kolonialgeschichte und Linguistik. Bd. 1. Wien, 1930; idem. Die Indogermanenfrage in der Ethnologie // Hirth-Festschrift. Bd. 1. Heidelberg, 1936.*

³¹ *Flor F. Die Indogermanenfrage in der Völkerkunde. Salzburg, 1937.*

³² *Schlechter U. Zur Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität von 1810 bis 1945 // Wissenschaftliche Zeitschrift. Humboldt Universität. Bd. 9. 1959–1960. Beiheft. S. 74.*

³³ *Кунов Г. О происхождении брака и семьи. М., 1928; ego же. Всеобщая история хозяйства. Т. 1. М.; Л., 1929; Суннов Н. Geschichte der Kultur des Inkareiches. Amsterdam, 1937; Schlechter U. Zur Geschichte... S. 74.*

³⁴ *Thurnwald R. Die eingeborene Arbeitskräfte im Südseegebiet // Koloniale Rundschau. Jahrgang 1910. H. 10; idem. Angewandte Ethnologie in der Kolonialpolitik // Verhandlungen I Internationalen Verein für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaft in Heidelberg. B., 1911; idem. Probleme der ethno-psychologischen Forschung // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1912. Beiheft 5.*

³⁵ *Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosozologischen Grundlagen. 5 Bände. B., 1931–1935.*

³⁶ *Mühlmann W. R. Thurnwald // Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. N.F. Bd. XXV. 1939.*

³⁷ *Thurnwald R. Die Krisis in der Ethnologie. Zur Entwicklungs- und Kulturkreislehre // Köllnische Vierteljahrsschrift für Sozialwissenschaft. 1923. Bd. 3; idem. Die Kulturkreislehre // Die Sonne. Monatsschrift für nordische Weltanschauung und Lebensgestaltung. 1928. Bd. 5; idem. Die menschliche Gesellschaft...*

³⁸ *Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // Amer. Anthropologist. 1932. Bd. 34. Так как статья была опубликована в Америке, широко распространено ошибочное мнение о том, что идея исследования «аккультурации» принадлежит американской науке.*

³⁹ См. напр.: *Thurnwald R. Führerschaft und Siebung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 2. 1926; H. 1; idem. Die Persönlichkeit als Schlüssel zur Gesellschaftsforschung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 9. 1933. H. 3.*

⁴⁰ *Thurnwald R. Koloniale Gestaltung. Methoden und Probleme Überseeischer Ausdehnung // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. Hamburg, 1939. Эта проблема рассматривается и в ряде других работ.*

⁴¹ Ibid.

⁴² Thurnwald R. Probleme der Völkerpsychologie und Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 1. 1925. H. 1. S. 9.

⁴³ Mühlmann W. Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938. S. 2, 3 u. folg.

⁴⁴ Ibid. S. 95, 227–229.

⁴⁵ Becher J. Wilhelm Emil Mühlmann (1904–1988): Die Integration eines Völkerkundlers in den Wissenschaftsbetrieb der Berliner Universität während der N.S. Zeit // Beiträge zur Geschichte der Humboldt Universität zu Berlin. № 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufbearbeitung des Wissenschaftserbes. B., 1991. S. 46.

⁴⁶ Mühlmann W.E. Krieg und Frieden. Ein Leitfaden der politischen Ethnologie mit Berücksichtigung völkerkundlichen Stoffes. Heidelberg, 1940; *idem*. Rassenseelische Polarität in Europa? // Zeitschrift für Rassenkunde. 1942. Bd. 13. H. 1.

⁴⁷ Mühlmann W. Die Völker der Erde. B., 1944.

⁴⁸ Krause F. Die völkerkundliche Strukturlehre und ihre Anwendung auf unser modernes Kulturleben // Petermanns Mitteilungen. B., 1923; Milke W. Über einige Kategorien der funktionellen Ethnologie // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 70. 1938. B., 1939.

G. E. M a r k o v. The brown shadow over German ethnology

By the 1920s in the matters of theory and practice the German-language ethnology occupied one of the leading places in the world's science on peoples. After the fall of the «theory of development» (evolutionism) widely disseminated became the «historical direction», the teaching on «culture circles», and the «culture-historical doctrine». Foundations of the «functional» and «structural» teachings (R. Thurnwald, W. Muelman) and a new scientific direction – «ethnology» (R. Thurnwald) were elaborated. After 1933 all these scientific trends proved to be undesirable for the ruling circles of the state as contrary to the principles of the Nazi ideology. The attempts of individual scholars to make science more attractive to the authorities by carrying out studies in the spheres of «racial hygiene», «folk psychology», «ethnology» and colonial problems were unsuccessful, with the result that ethnology failed to become a «national-socialist science» and found itself in a state of the most profound crisis, which fact significantly affected its post-war development.

© 1999 г., ЭО, № 4

Б.Н. Комиссаров, А.Я. Массов

**ИСТОРИК РОССИЙСКОГО
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

(к 80-летию Б.П. Полевого)

Исполнилось 80 лет со дня рождения известного ученого, историка российского Дальнего Востока Бориса Петровича Полевого. Вот уже более полувека Б.П. Полевой исследует историю открытия и освоения русскими дальневосточных земель, изучает этнографию народов этого региона.

Круг интересов ученого необычайно широк: походы русских в XVII в. на Амур и Тихий океан и начало тихоокеанского судоходства, русские походы на Камчатку, организация камчатских экспедиций В. Беринга, первые русские плавания к Южным Курилам в конце 30-х годов XVIII в. Занимается Б.П. Полевой и историей русского присутствия на Дальнем Востоке в XIX в., исследуя деятельность на Камчатке участников русских кругосветных плаваний и историю знаменитой обороны Петропавловска-Камчатского в годы Крымской войны.

Интерес к восточной окраине России у петербургского ученого отнюдь не случаен. Б.П. Полевой родился 23 мая 1918 г. в Чите в семье Петра Игнатьевича Полевого –